

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. В статье привлекается внимание к уникальному месту Ктесия среди античных авторов: этот грек, много лет проведший в Персии и по возвращении на родину решивший ближе познакомиться соотечественников с этой страной, в полной мере обладал, как выражаются, «инсайдерской информацией». Как историк он пользовался и пользуется заслуженно низкой репутацией, однако в тех частях его трактата «Персидские дела» (начиная с 18-й книги), где он выступает уже не в качестве собственно историка, а скорее в качестве мемуариста, рассказывая о событиях, происшедших на его памяти, и о людях, которых знал лично (среди них – Дарий II, Артаксеркс II, Кир Младший, а отдельно должна быть отмечена Парисатида, от которой Ктесий получил особенно много информации), ситуация меняется. Ведь эллин из Книды, находясь в высоком статусе лейб-медика, был вхож в самые интимные покои царя и членов его семьи, посвящен во многие тайны и интриги персидского двора.

Ключевые слова: Ктесий Книдский, «Персидские дела», Ахемениды, монархия, Артаксеркс II, Парисатида, Фотий

Для цитирования: Суриков И.Е. Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 12–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Life and customs of the Iranian monarchy
as viewed by an Hellene, but on the inside.
Ctesias of Cnidus

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
isurikov@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to Ctesias' unique place among Classical authors: the Greek, who spent many years in Persia and after his return home decided to nearer acquaint his compatriots with that country, possessed in full measure, so to say, insider information. As a historian he enjoyed and enjoys a deservedly law reputation; however, the situation is different in the parts of his *Persica*, where he speaks not as a historian as such but as an author of memoirs and tells about the events, which took place in his presence, and about persons, who he was personally familiar with (such as Darius II, Artaxerxes II, Cyrus the Younger, and especially Parysatis, one of the main informers of Ctesias). For the Hellene from Cnidus, in his high status of physician-in-ordinary, was well received in the most intimate chambers of the King and his family members; he was privy to many secrets and intrigues of the Persian court.

Keywords: Ctesias of Cnidus, *Persica*, Achaemenids, monarchy, Artaxerxes II, Parysatis, Photius

For citation: Surikov, I.E. (2025), "Life and customs of the Iranian monarchy as viewed by an Hellene, but on the inside. Ctesias of Cnidus", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 12–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Данная статья написана на материалах доклада автора, сделанного в марте 2023 г. на проходившей в ИВКА РАН конференции «Миусские античные посиделки – XIII». Тема этого научного мероприятия была обозначена как «Эллинизм и иранизм». Впрочем, поскольку имелись в виду культурные, цивилизационные феномены, нам, пожалуй, ближе известная формулировка М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство»¹, тем более что термин «эллинизм» обычно применяется к конкретной исторической эпохе² (конец IV – I в. до н. э.),

¹ *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России: Общий очерк. Пг.: Огни, 1918.

² И применяется, нужно сказать, не очень удачно (см. хотя бы развернувшуюся в последние годы очередную дискуссию об эллинизме в отечественной историографии [Габелко 2018; Ладынин 2018; Балахванцев 2020; Суриков 2022; Суриков 2023], но здесь речь не об этом).

а тот историк, имя которого вынесено в заголовок нашей статьи и о котором в ней пойдет речь, жил еще до ее наступления. Тем не менее к проблематике взаимоотношений эллинского и иранского миров Ктесий Книдский имеет самое прямое отношение, поскольку этот грек достаточно долгое время жил при персидском дворе, причем в качестве персоны весьма важной по статусу – лейб-медика. Приведем некоторые наиболее важные свидетельства о нем (по «Фрагментам греческих историков» Ф. Якоби).

Ctes. FGrHist. 688. T1 (из лексикона «Суда»): «Ктесий. Сын Ктесиарха или Ктесиюха, книдзянин; врач, который вылечил у персов Артаксеркса, прозванного Мнемоном (Артаксеркса II. – И. С.), и написал «Персидские дела» (Περσικά) в 23 книгах». Наверное, необходимо сказать несколько слов в связи с используемым нами переводом названия главного труда Ктесия. Эта оговорка касается, в принципе, всех такого рода названий, нередких у древнегреческих историков (Αἰολικά, Λεσβιακά, Αἰγυπτιακά, κтл.). В оригинале стоят, понятно, просто прилагательные в обобщающем множественном числе среднего рода. Буквально их следовало бы передавать как «Персидское», «Эолийское», «Лесбосское», «Египетское» и т. п., но так не принято в русском узусе. Последовать примеру С.Я. Лурье, который ничтоже сумняшеся перевел Ἑλληνικά Ксенофонта как «Греческая история»? Тогда получится «Персидская история»³, «Эолийская история», «Лесбосская история», «Египетская история» и т. п. Но нам это тоже не кажется оптимальным. Тот же трактат Ктесия содержал не только рассказ об истории Персии. Судя по всему, оно представляло собой комплексное описание страны, включавшее, помимо изложения исторических событий, характеристику природных условий, населения и его обычаев, разных местных «дикивинок». Исходя из вышесказанного, мы предпочли тот вариант перевода, который представляется нам наиболее расширительным и нейтральным.

Ctes. FGrHist. 688. T2 (из Страбона): «Книд... Оттуда – и Ктесий, вылечивший Артаксеркса и написавший “Ассирийские дела” и “Персидские дела”». Здесь допущена некоторая неточность:

³ Кстати, новейший издатель Περσικά Стронк [Stronk 2010] так и передал название сочинения – “Persian History”. Коль речь зашла об изданиях Ктесия, мы должны оговорить, что ни в коем случае нельзя назвать устаревшим и образцовое издание великого Якоби. См.: *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker* (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). C. Autoren ueber einzelne Laender. Nr. 608a–856 (Bd. 1: Aegypten – Geten, Nr. 608a–708). Leiden: Brill, 1958. P. 416–517.

сочинения «Ассирийские дела» (у Страбона Ἀσσυρίκᾱ, хотя чаще встречалось написание Ἀσσυριακά). В качестве такового могло восприниматься начало (первые несколько книг) «Персидских дел» (см. ниже в связи со свидетельством Т8).

Ctes. FGrHist. 688. Т3 (из Диодора Сицилийского): «А Ктесий Книдский по времени был тогда же, когда поход Кира на своего брата Артаксеркса; став пленником и за знание врачебного искусства оставленный царем у себя, он прожил там семнадцать (?) лет, почитаемый им». Вопросительный знак поставлен Якоби, который считает, что число здесь испорчено и в аппарате предлагает (тоже со знаком вопроса) «семь».

Ctes. FGrHist. 688. Т4 (из Галена): «Ктесий Книдский, его (врача Гиппократ. – И. С.) родственник (συγγενής): ведь и он был родом Асклепиад». Информация о родстве между Ктесием и Гиппократом содержится только в этом свидетельстве. Впрочем, само это «родство», возможно, следует толковать в самом общем и широком смысле (тем более что они не были даже земляками-согражданами): Гален мог иметь в виду попросту то, что оба автора, будучи медиками, по самому своему статусу считались потомками Асклепия.

Ctes. FGrHist. 688. Т5а (из «Хроники» Евсевия, под 1-м годом 95-й олимпиады, т. е. 400/399 г. до н. э.): «Становятся знаменитыми Ксенофонт, сын Грилла, и Ктесий». Данное свидетельство нельзя назвать особенно информативным, да и дата в нем предложена в достаточной мере условная, приблизительная.

Ctes. FGrHist. 688. Т5b (из «Библиотеки» патриарха Фотия): «А в расцвете он (Ктесий. – И. С.) был⁴ во времена Кира, родившегося от Дария и Парисатиды, того, что приходился братом Артаксерксу, к которому перешла персидская царская власть».

Затем идут несколько свидетельств (в основном они взяты из «Артаксеркса» Плутарха, хорошо известны и не нуждаются в цитировании), восходящих к повествованию самого Ктесия (Т6а–b, Т7а–d), в которых говорится о том, как будущий историк был при царе во время битвы при Кунаксе, как он потом пытался помочь вождю наемников Кира Младшего спартанцу Клеарху и как, наконец, возвратился в Грецию. А вот на следующем свидетельстве необходимо остановиться подробнее – оно представляется важным.

Ctes. FGrHist. 688. Т8 (из «Библиотеки» Фотия): «Была прочитана книга Ктесия Книдского “Персидские дела” в 23 книгах. Но в первых 6 он разбирает ассирийские дела и те, что были до персидских, а вот начиная с 7-й излагает персидские. И в книгах

⁴ В оригинале ἦκμασε.

7-й, 8-й, 9-й⁵, 10-й, 11-й, 12-й и 13-й он рассказывает о событиях при Кире, Камбисе, маге (Лже-Смердисе. – И. С.), Дарии и Ксерксе, почти во всех случаях повествуя противоположное Геродоту, более того – во многих случаях изобличая его как лжеца и обзывая сочинителем басен. Сам-то ведь он был позже Геродота. Он говорит, что был очевидцем большей части того, о чем повествует, или ему случилось слышать собственными ушами от самих персов о том, чего видеть ему было невозможно; и так-де он написал свою историю. Он излагает противоречащее не только Геродоту, но кое в чем разногласит (ἐπ' ἐνίων διαφωνεῖ) и с Ксенофонтом, сыном Грилла. А в расцвете он был...». Далее следует пассаж, помещенный выше, как свидетельство T5b.

Именно из этого сообщения мы узнаем точное количество книг в главном труде Ктесия, и оно, нужно сказать, оказывается весьма изрядным. Пожалуй, «Персидские дела» на момент своего появления были самым значительным по объему прозаическим сочинением на древнегреческом языке. И действительно, что можно сказать о размерах трактатов его предшественников? «Истории» (именно так, Ἱστορίαι) Ферекида Афинского, увидевшие свет в 450-х гг. до н. э., состояли из 10 книг. В «Истории» Геродота, как известно, их 9, а в произведении Фукидида – 8. Можно еще упомянуть «Сицилийские дела» Антиоха Сиракузского в 9 книгах, завершенные к концу 420-х гг. до н. э. Только позже пришло время для гигантских исторических «полотен» (30 книг во «Всеобщей истории» Эфора, 58 книг в Φιλπικὰ Феопомпа).

Фотий указывает также, как видим, на ярко выраженную «антигеродотовскую» тенденцию труда Ктесия. В том, что касается событий Греко-персидских войн и более ранних, она действительно просто-таки бросается в глаза и была, несомненно, совершенно сознательной. С другой стороны, специального намерения спорить с Ксенофонтом Ктесий, может быть, и не имел (да, строго говоря, и неизвестно, появились ли его «Персидские дела» раньше или позже «Анабасиса»), а отмеченные византийским патриархом разногласия имели причиной то, что два автора смотрели на поход Кира, так сказать, из разных лагерей. К тому же, если можно так выразиться, с разных точек зрения и с разного расстояния: Ксенофонт был в рядах греческой фаланги Кира, непосредственно к царю не приближавшейся, Ктесий – рядом с Артаксерксом.

Итак, книдский врач уже в силу своего положения был лицом, входящим в самые интимные покои персидского царя и членов его семьи (наиболее тесно он, судя по всему, общался с царицей

⁵ «9-й» – необходимая конъектура Якоби (текст здесь испорчен).

Парисатидой, которую и сам в ряде мест прямо называет своим информатором⁶ и на которую, похоже, он даже имел определенное влияние⁷), посвященным во многие тайны и интриги этого двора. Таким образом, взгляд Ктесия на ахеменидскую монархию был взглядом эллина, но, так сказать, «внутреннего эллина», взглядом изнутри (в плане реалий) и одновременно извне (в цивилизационном плане). Иранскому культурному влиянию он практически не подвергся, Персия оставалась для него чужой страной. И по возвращении на родину он решил ближе познакомиться своих соплеменников с этой страной, тем более что о нем уже, несомненно, сложилось мнение как о человеке, обладающем, как ныне выражаются, «инсайдерской информацией».

Впрочем, как историк Ктесий пользовался и пользуется заслуженно низкой репутацией. Его лживость постоянно отмечалась уже античными авторами. Несколько примеров. Ctes. FGrHist. 688. T11a (из Страбона): «Уж скорее кто-нибудь сможет поверить Гесиоду и Гомеру, когда они рассказывают о героях, или авторам трагедий, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим писателям такого рода». Ctes. FGrHist. 688. T11b (тоже из Страбона): «А Феопомп честно признается, говоря, что в своих исторических сочинениях будет рассказывать и мифы; это лучше, чем поступать так, как Геродот, Ктесий, Гелланик и те, кто описывал индийские дела». Правда, здесь «на одну доску» с Ктесием поставлены представители исторической мысли, которых обычно воспринимают куда более всерьез. Хотя традиция о «Геродоте-лжеце» тоже ведь восходит уже к античности [Суриков 2011, с. 212–231], и периодически ее пытаются возрождать и поныне (один из последних примеров, весьма шумевший, – книга Д. Фелинга⁸, гиперкритицизму которого, впрочем, была дана достойная отповедь [Pritchett 1993]).

Порицаний, высказанных за выдумки конкретно Ктесию, безусловно, больше, чем адресованных кому-либо из других древнегреческих историков. Согласно Аристотелю (Ctes. FGrHist. 688. T11f), он «не заслуживает доверия» (οὐκ ὦν ἀξίοπistos). По формулировке Плутарха (Ctes. FGrHist. 688. T11d), он «вставил в свои книги пе-

⁶ Например: Ctes. FGrHist. 688. F15 (из Фотия): «И историк говорит, что сам слышал это от самой этой Парисатиды».

⁷ В частности он воспользовался этим влиянием, чтобы несколько облегчить положение пленного Клеарха (Ctes. FGrHist. 688. F27).

⁸ Вначале вышла на немецком [Fehling 1971] и долгое время оставалась практической незамеченной, но после появления английского перевода [Fehling 1989] привлекла к себе значительное внимание.

стрый набор невероятных и безумных вымыслов» (μύθων ἀπιθάνων καὶ παραφόρων ἐμβέβληκεν εἰς τὰ βιβλία παντοδαπὴν πωλαίαν). А вот характеристика Лукиана (Ctes. FGrHist. 688. T11h), правда, относящаяся к другому сочинению книдянина: «Ктесий, сын Ктесиоха, книдянин, который написал о стране индийцев и о том, что у них происходит, хотя ни сам этого не видел и не слышал от кого-нибудь другого, кто был бы правдив».

Периодически предпринимаются попытки «реабилитировать» Ктесия как источник (один из недавних примеров: [Габелко, Рунг 2020]), показать, что, например, даже из его «версии» Греко-персидских войн (в которой Платейская битва предшествует Саламинской, Ctes. FGrHist. 688. F13), можно почерпнуть какой-то достоверный и полезный материал. Однако уже давно по этому поводу Дж. Бигвудом было категорично, но справедливо сказано: «Независимо от того, каковы были источники Ктесия и методы, использовавшиеся Фотием при сокращении <его труда>, во всем повествовании о войнах содержится чрезвычайно мало того, что могло бы быть правдой, и нет вообще ничего, свидетельствующего о стремлении <автора> к истине и тщательному исследованию фактов. Вместо этого мы обнаруживаем все, что обычно связывается с Ктесием, – безумные данные о численности армий, неузнаваемых персонажей, упрощения, удивительную путаницу, хронологию, которая сбивает с толку, некоторую меру анахронизма и определенную степень пристрастности, а как результат – качество, являющееся специфической чертой поздних рассказов о <Греко-персидских> войнах, и стремление к сенсационному, которое начинается отнюдь не с Эфора. Оно присутствует уже у Ктесия» [Bigwood 1978, p. 36].

Мы здесь подписались бы буквально под каждым словом. Вообще говоря, все свидетельства о Греко-персидских войнах (имеем в виду период от их начала до 479–478 гг. до н. э.), которые не восходят к Геродоту и не находят подтверждения с его стороны, должны априорно ставиться под подозрение (поскольку непонятно, откуда бы такая информация могла быть взята). А уж к свидетельствам, *прямо противоречащим* данным Геродота, сказанное относится а fortiori. Ктесий же, как отмечалось выше, сознательно писал «в пик» великому галикарнасцу.

Один современный исследователь [Meyer 2018] дает несколько более высокую оценку рассказу Ктесия об афинской экспедиции в Египет в конце 460–450-х гг. до н. э. (Ctes. FGrHist. 688. F14). Здесь нужно оговорить, что Геродот до этой фазы вооруженного конфликта между эллинами и Ахеменидской державой в своем повествовании не дошел, Фукидид же дает упомянутый эпизод лишь

в предельно конспективном изложении (Thuc. I. 104, 109–110). Так что сравнивать Ктесиев пассаж, в общем-то, почти и не с чем. Но допустим даже, что здесь он действительно сохранил какие-то крупницы истины. Даже ученый, отстаивающий эту точку зрения, в конце своей статьи вынужден признать, что в данном случае перед нами редчайшее, экстраординарное исключение, а в целом Книдский историк критикуется за вымыслы совершенно справедливо [Meyer 2018, p. 57].

Другой пример. В эпитоме Фотия «Персидские дела» Ктесия завершаются перечнем переходов на «Царской дороге» (Ctes. FGrHist. 688. F33). Это выглядит признаком научного метода. Но то, что в трактате действительно содержался такой перечень, да еще в качестве «последнего аккорда» труда, недавно было поставлено под серьезное сомнение: «Трудно представить, чтобы такой красочный автор, как Ктесий, закончил свою работу прозаическим списком расстояний» [Almagor 2020, p. 161]. Соответственно, здесь предполагается чья-то интерполяция, ко Ктесию отношения не имеющая [Almagor 2020, p. 164].

Что касается пресловутой «красочности» нашего автора – она-то как раз неоднократно констатировалась ценителями. Опять же приведем несколько суждений. Ctes. FGrHist. 688. T12 (из Дионисия Галикарнасского): «Ведь слог Фукидида и Антифонта из Рамнунта является красивым... будучи не очень-то приятным. А вот слог историка Ктесия Книдского и сократика Ксенофонта в высшей степени приятен, но не красив в той мере, в какой следовало бы (я имею в виду – по большей части, но не всякий раз, поскольку некоторые места и у первых звучат приятно, и у вторых – красиво). А слог Геродота имеет обе эти черты, он и приятен, и красив». Ctes. FGrHist. 688. T13 (из Фотия): «А историк этот очень ясен и прост, поэтому у него повествование сопряжено с приятностью. Он пользовался ионийским диалектом, хотя и не в полной мере, подобно Геродоту, а в некоторых выражениях; и он, в отличие от того, не делает в изложении неуместных отступлений. Побасенки, за которые его упрекают, ему действительно не чужды, и особенно в приписываемых ему “Индийских делах”. Приятность его истории заключается по большей части в обработанности рассказов, в которых много страстного и неожиданного, и в умении разукрасить их вещами, близкими к баснословным. И его изложение свободно сверх необходимости, так что даже впадает в просторечие. А сочинение Геродота этой и иной мощью выражений и мастерством являет собой образец ионийского диалекта».

Особенно показательна характеристика, данная Деметрием, ритором I в. н. э. (Ctes. FGrHist. 688. T14): «А прежде всего о жи-

вости: живость появляется, во-первых, из точности в выражениях и из того, чтобы ничего не пропускать и не сокращать... из происходящего и происшедшего, так что часто повторение придает большую живость, чем однажды сказанное... А что Ктесия из-за повторов упрекают в болтливости – то часто, допустим, и справедливо упрекают, но часто – потому, что не чувствуют живости этого мужа: ведь у него многократно одно и то же, будучи сказано дважды, приводит к большей выразительности, как в следующем случае. Некий Стриангей, муж-мидянин, сбив⁹ с коня сакскую женщину («ведь женщины-то у саков сражаются, словно амазонки»¹⁰), увидев, что эта сакидянка прелестна и молода, позволил ей спастись. А после этого, когда было заключено перемирие, он, влюбившись в эту женщину, не мог добиться успеха. Он решил уморить себя голодом, а перед тем пишет женщине письмо, упрекая ее таким образом: “Я тебя спас, и ты спаслась благодаря мне, а я благодаря тебе погиб”. И в целом этот поэт – а ведь его по справедливости можно назвать поэтом – является творцом живости во всем им написанном, например, и вот в каких словах. Следует о происшедшем говорить не сразу после того, как оно произошло, а спустя небольшое время, как бы подвешивая слушателя и заставляя его тревожиться. Так и делает Ктесий, изображая весть о смерти Кира. Ибо пришедший вестник не сразу говорит Парисатиде, что Кир погиб (ведь это означало бы, как говорят, выражаться по-скифски), а вначале возвестил, что он побеждает, а она возрадовалась и встревожилась; после этого она спрашивает: “А что с царем?”. Вестник говорит: “Он бежал”. А она, подхватив: “Ведь Тиссаферн виновен в этом перед ним”. И снова спрашивает: “А где теперь Кир?”. Вестник отвечает: “Там, где подобает отдыхать добрым мужам”. И так он продвигается понемногу и постепенно, и вдруг у него как бы с трудом вырываются главные слова. Автор очень характерно и живо изобразил вестника, против своей воли сообщающего о несчастье, и дал слушателю почувствовать тревогу матери».

Только что процитированное свидетельство чрезвычайно ценно. Тут стиль Ктесия перед нами буквально как на ладони, в то время как из сухой эпитомы Фотия о нем, конечно, нельзя составить должного представления. Но вот ведь что бросается в глаза: Ктесия даже и хвалят с оговорками, как бы с некоей оглядкой на общую его репутацию как недобросовестного писателя. Для Дионисия

⁹ Здесь уместнее глагол, а не причастие. Поэтому Якоби в аппарате предлагает (со знаком вопроса) исправить на «сбил».

¹⁰ Дословная цитата из Ктесия.

Галикарнасского его слог «приятен, но не красив», и Геродот им ставится выше. Фотий тоже отмечает «приятность» Ктесия, но при этом оговаривает, что он пишет уж слишком свободно, вплоть до элементов просторечия. Деметрий указывает, что Ктесия упрекают в болтливости, причем часто эти упреки справедливы.

* * *

А теперь, начав «за упокой», продолжим «за здравие». В той части труда Ктесия, в которой он выступает *как историк*, то есть излагает факты прошлого, перед нами даже не «античный Александр Дюма-отец», а «античный барон Карл-Фридрих-Иероним фон Мюнхгаузен», и опора на него как на источник чревата огромными опасностями. Однако в «Персидских делах» есть и часть, в которой автор являет себя в роли не историка в собственном смысле слова, а скорее *мемуариста*, то есть повествует о делах, которые имели место на его памяти. И в этой части (от 18-й книги и до конца) ситуация в значительной степени меняется: перед нами появляются *свидетельства* в самом буквальном смысле слова, то есть показания человека, который либо лично был прямым *свидетелем* событий, либо узнал о них из первых рук. На этих-то пассажах мы и остановимся в дальнейшем, рассмотрев их, понятно, выборочно. Некоторые фрагменты книг, о которых идет речь, сохранены Плутархом в биографии Артаксеркса II; они хорошо знакомы любому антиковеду, и долго говорить о них не приходится. Куда менее известны фрагменты из эпитомы Фотия (Phot. Bibl. cod. 72), и к ним надлежит обратиться в приоритетном порядке.

С 18-й книги начинается у Ктесия рассказ о тех монарших особах, которых он, прибыв к ахеменидскому двору в 416 г. до н. э. и убыв оттуда в 399 г. до н. э., знал лично: Дарий II, его супруга (впоследствии вдовствующая царица-мать) Парисатида, Артаксеркс II, его жена Статира, его младший брат Кир. Помимо них, перед нашими глазами проходит немало второстепенных персонажей – вельмож, придворных евнухов и т. д.

Во фрагменте F15 (из Фотия), первом дошедшем до нас из 18-й книги, говорится о событиях, имевших место после кончины Артаксеркса I в 424 г. до н. э. Наследовал покойному Ксеркс II, «который был у него единственным законнорожденным от Дамаспии, а она ушла из жизни в тот день, когда умер и Артаксеркс¹¹». Тут заходит речь и об Охе, будущем Дарии II. Кстати, интересно, что у Ктесия имена Дария I и Дария II пишутся по-разному: в первом

¹¹ Исправление издателей из явно ошибочного «Ксеркс».

случае Δαρεῖος (чаще всего Дарий I появляется во фрагменте F13), во втором – Δαρειαῖος, т. е. как бы «Дарией». Мы все-таки будем в дальнейшем и применительно к этому царю использовать общепринятое написание «Дарий».

Ох-Дарий впервые появляется в тексте как сатрап Гиркании. О нем говорится, что он был одним из 17 незаконнорожденных сыновей Артаксеркса I, «среди которых – и Секиндиан (Σεκυνδιανός) от вавилонянки Алогуны, и Ох, и Арет (Ἀροίτης) от Космартидены (Якоби предполагает, что имя, возможно, испорчено), тоже вавилонянки». Из способа выражения Ктесия в этом месте не вполне понятно, была ли его матерью та же Алогуня, которая родила Артаксерксу сына со странным «римским» именем, которое можно даже передать как «Секундиан», или какая-то другая женщина. Впрочем, далее вопрос становится несколько яснее: тут же названа царская дочь Парисатида и сказано, что она – «от Андрии, тоже вавилонянки», а чуть ниже мы узнаём, что Оху отец дал «жену по имени Парисатида, которая приходилась Артаксерксу¹² дочерью, а ему самому – родной сестрой (ἀδελφὴ δὲ οἰκεῖα)». «Родная сестра», насколько можно судить, обозначает здесь полную, а не единокровную сестру, и выходит, что матерью как Парисатиды, так и Оха являлась вавилонянка, получающая у Ктесия эллинизированное имя Андрия.

Все эти генеалогические сплетения, возможно, поведала лейб-медику сама Парисатида в беседах с ним: от кого-то из мужчин царского дома трудно было бы ожидать подобных откровений, тем более что из них вырисовывался малоблаговидный факт «нечистого» происхождения данной линии Ахеменидов. Кстати, афишировать этот факт было совершенно не с руки не только Дарию II или Артаксерксу II, но и самой Парисатиде. Поэтому мы не исключаем, что рассказчицей была другая женщина из числа тех, которых лечил Ктесий, а именно Статира. Известна непримиримая вражда, которая существовала между нею и Парисатидой, и невестка вполне могла говорить дурное о свекрови, тем более что у самой Статире в этом плане все было безупречно: она принадлежала пусть не к царскому, но к одному из знатнейших персидских родов, восходящему к Гидарну (у Ктесия он Идерн), одному из семи убийц Лже-Смердиса.

Впрочем, когда через какие-нибудь 45 дней после смерти Артаксеркса I Секиндиан при содействии евнуха Фарнакия устранил единственного его законного сына Ксеркса II («случилось так, что обоих (Артаксеркса I и Ксеркса II. – И. С.) доставили в страну пер-

¹² Исправление издателей из ошибочного «Ксерксу».

сов одновременно: ведь влекшие повозку с Артаксерксом мулы не хотели идти, как будто дожидаясь тела сына, а когда оно прибыло – пошли с охотой»), уже ни один царь Персии не мог быть вполне чистокровным. Не приходится сомневаться в том, что именно совершенное Секиндианом убийство пробудило амбиции и у гирканского сатрапа Оха («А чем я хуже?». На призывы Секиндиана явиться к его двору он отвечает неопределенными обещаниями, тянет время, а сам тем временем собирает войско, переманивает на свою сторону ряд виднейших вельмож и влиятельных евнухов, в конце концов коронуется, принимая имя Дария, обманом захватывает («по совету Парисатиды», оговаривает Ктесий) единокровного брата (правление Секиндиана продолжалось шесть с половиной месяцев) и уничтожает его.

Так начинается в «Персидских делах» повествование о «быте и нравах иранской монархии», и дальше оно разворачивается в том же духе: следует череда отталкивающих эпизодов – коварство и жестокость, интриги придворных и мятежи царских родичей, казни и пытки... «Был побит камнями и Фарнакий, который участвовал в убийстве Ксеркса Секиндианом. Был убит царем и Меностан, уже арестованный для казни», и т. п. Не приходится сомневаться в том, что любой грек, прочитавший это, составлял себе представление об Ахеменидской державе как о некоем «антимире» по сравнению с миром свободных эллинских полисов, как об обществе, в котором никто не может быть уверен в завтрашнем дне.

«Итак, единственным царем становится Ох, он же и Дарий. При нем были в силе три евнуха: могущественнейший – Артоксар, второй – Артибарзан, а третий – Афой. Но в наибольшей степени советником царя была его жена, от которой до воцарения он имел двух детей: дочь Аместриду и сына Арсака¹³, который позже был переименован в Артаксеркса. Уже будучи царицей, она рождает ему другого сына и дает ему имя Кир – в честь солнца. Затем рождает Артоста и далее остальных, всего тринадцать детей. И историк говорит, что сам слышал это от самой этой Парисатиды. Но большинство детей быстро умерли, а в живых остались названные выше и еще четвертый сын, названный Оксендром».

Подробно пересказывать с пространным цитированием следующие излагаемые Ктесием перипетии мы, конечно, не будем: это заставило бы нас значительно превысить лимит объема, определенный для статей в настоящем издании. Поэтому придется перейти на несколько конспективный стиль. Итак, далее во фрагменте F15 упомянуты следующие события:

¹³ Встречается также написание «Арсик» (например: Plut. Artax. 1).

1. Мятеж царского брата Арсита и вельможи Артифия. Оба схвачены и казнены. В эпизоде значительную роль играет Парисатида. Вначале она подсказывает Дарию, как обманом побудить Арсита сдатьсь. Затем она активно участвует и в решении его участи: «...Арсита царь не хотел губить. Но Парисатида – отчасти убеждением, а отчасти и принуждением – добила его гибели».

2. Мятеж сатрапа Лидии Писсуфна. Последний с помощью подкупа схвачен и казнен. Его сатрапия передана Тиссаферну.

3. Заговор евнуха Артоксара. Заговорщик «изобличается, берется под стражу, передается Парисатиде, а та его убивает».

4. Женитьба наследника престола Арсак (будущего Артаксеркса II) на Статире, дочери Гидарна, и одновременный брак Теритухма, сына Гидарна, и Аместриды, дочери Дария II. Мятеж Теритухма и его гибель. Его родственники (мать, братья и сестры) по приказу Парисатиды подвергаются жестокой расправе. Из всей семьи подобной участи избегает только Статира, да и то благодаря заступничеству своего мужа: «...царь сказал своей жене Парисатиде, чтобы она поступила так же и со Статирой, женой их сына. Но Арсак, со своей стороны, стал настойчиво умолять мать и отца, плача и бия себя в грудь; когда Парисатида смягчилась, уступил и Ох-Дарий, сказав, что она сильно раскается в этом».

Таково содержание 18-й книги «Персидских дел», которая, как видим, целиком охватила царствование Дария II; 19-я начинается с его смерти, и с этого момента Ктесий начинает вести рассказ с гораздо большей степенью детальности, чем прежде: если почти двадцатилетнему правлению Дария посвящена одна книга, то для изложения происходившего всего лишь в первые шесть лет пребывания на престоле его сына (до отъезда автора в Грецию) ему потребовалось четыре. Конечно, одна из причин перемены в том, что именно на эти годы пришелся мятеж Кира Младшего, воспринимавшийся современниками как весьма значительное событие. Впрочем, всеми ли современниками? В принципе, в Ахеменидской державе мятежи царских братьев были делом едва ли не обыденным. Вспомним: только что шла речь о мятеже Арсита против Дария II, и сказано о нем было весьма кратко. А вот дела, связанные с Киrom, развернуты у него просто-таки в настоящий роман. Дело, думается, в том, что греческих авторов (и читателей) волновало прежде всего то, что имело какое-нибудь отношение к грекам. Последнее в полной мере относится к Киру, который был филэллином, наиболее боеспособную часть своих вооруженных сил набрал из эллинов, да и на царя отправился, в сущности, из эллинских земель (из Эфеса, Xen. Anab. II. 2. 6). Можно сказать, что поход Кира восприни-

мался греками как событие *их* истории¹⁴, а о мятеже Арсита этого не скажешь¹⁵.

Итак, рассмотрим дальнейшие фрагменты. Фрагмент F16 (из Фотия) содержит информацию из 19-й и 20-й книг «Персидских дел». Вот основные упомянутые в нем факты.

1. Смерть Дария в Вавилоне, воцарение Арсака, принявшего имя Артаксеркса. Из дальнейшего видно, что в связи с этим значительно возросло влияние Статирь, несколько отодвинувшей Парисатиду на второй план.

2. Мучительная казнь по настоянию Статирь вельможи Удиа-ста, в свое время убившего Теритухма – брата новой царицы; возвышение Митридата, сына Удиаста, отрекшегося от отца и до конца оставшегося верным Теритухму. «А Парисатида огорчалась (καὶ ἡνίκα Παρύσατις)», – добавляет историк.

3. Кир обвинен Тиссаферном в покушении на жизнь царя, подвергается унижениям, но благодаря заступничеству Парисатиды избегает смерти и отправлен в свою сатрапию, в Малую Азию (у Фотия изложено предельно кратко; ср. красочный рассказ у Плутарха, взятый из того же Ктесия, Plut. Artax. 2–4).

4. Казнь вельможи Оронда, обвиненного в любовной связи с Парисатидой («хотя она была чрезвычайно целомудренной», καὶ τοὶ λίαν αὐτῆς σφρονοῦσης). За этот поступок вдовствующая царица гневается на Артаксеркса.

5. Парисатида с помощью яда убивает сына Теритухма, то есть племянника Статирь, – очередной раунд в «схватке» двух женщин. Далее следует фраза, не вполне ясная вне контекста: «И о том, кто

¹⁴ Кстати, в случае победы Кира (а ее возможность была вполне реальной) он мог бы действительно стать этапным событием в том числе и истории Древней Греции. На ахеменидском троне оказался бы человек, который свою любимую наложницу переименовал в Аспасию, – стало быть, даже знал о знаменитой подруге Перикла, носившей это имя. Он явно увлекался всем эллинским, всем «западным», был персидским аналогом нашего Петра I. Он мог бы повести Персию по новому пути, сделать свой двор греческим (и по персональному составу, и по манерам), – одним словом, уже с него могло бы начаться то, что называют эллинизмом на Востоке.

¹⁵ То некоторое (небольшое) участие греков в мятеже Арсита, которое имело место, Ктесий, разумеется, отмечает во фрагменте F15: царский полководец Артасир, воевавший против Арсита и Артифия, «дарами» (δόροις), т. е. подкупом, переманил на свою сторону бывших при тех эллинов (несомненно, наемников), так что верными мятежникам остались только три милетянина.

похоронил отца посредством огня вопреки закону; отсюда – и изображение Гелланика и Геродота, что они лгут». Имеется в виду, что кто-то сжег тело отца на погребальном костре (у персов-зороастрийцев такое употребление огня запрещалось как оскверняющее его святую). О ком идет речь – из сжатой эпитомы Фотия непонятно; соответственно, остается несколько загадочным и смысл «изображения» Ктесием Гелланика и Геродота. В связи с упоминанием Гелланика можно отметить, что среди многочисленных сочинений последнего¹⁶ был и трактат с таким же названием, что и у Ктесия, – *Περσικά*, «Персидские дела». Он принадлежит ко второй, «этнографической» тематической группе трудов этого историка¹⁷ и, по нашим расчетам, должен был быть создан около середины V в. до н. э. или чуть позже¹⁸. Сохранившиеся от него фрагменты, к сожалению, не слишком информативны; в них повествуется в основном о делах легендарных (Hellan. FGrHist. 4. F59–60, F63, F177), об обычаях персов (Hellan. FGrHist. 4. F178), либо трактуются частные топографические проблемы (Hellan. FGrHist. 4. F61–62, F179). Лишь в нескольких речь идет о перипетиях истории Персидской державы и/или о Греко-персидских войнах (Hellan. FGrHist. 4. F180–183).

Вернемся ко Ктесию, к продолжению разбора его фрагмента F16. Далее и до конца этого фрагмента следует повествование о мятеже Кира и его последствиях. Фотий опускает подавляющее большинство деталей (их мы узнаём из «Артаксеркса» Плутарха), сохраняя лишь единичные (в частности, что у убитого Кира отрубили голову и руку). Нужно сказать, в этом месте его пересказ вообще похож на какой-то конспект (даже подчас без соблюдения литературных грамматических конструкций), например: «...сбор эллинского и варварского войска; и Клеарх – полководец эллинов;

¹⁶ Лучшими, наиболее пространными работами о Гелланике в мировой историографии остаются два довольно давних текста: большая энциклопедическая статья Ф. Якоби (*Jacoby F. Hellanikos* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia* / Hg. von W. Kroll. Stuttgart: J.B. Metzler, 1912. P. 104–153) и глава в монографии Л. Пирсона «Ранние ионийские историки» [Pearson 1975, p. 152–235] (ссылаемся на доступное нам переиздание, впервые книга вышла в 1939 г.). Из отечественной литературы см. [Суриков 2021].

¹⁷ Общепринятую и ныне классификацию наследия Гелланика см.: *Jacoby F. Hellanikos*. P. 112–113.

¹⁸ Характерно, что примерно тогда же еще два весьма видных представителя раннего историописания – Дионисий Милетский и Харон Лампсакский – тоже написали *Περσικά* [Balcer 1987, p. 25].

и о том, что Сиеннесий, царь киликийцев, был союзником обоим, и Киру, и Артаксерксу; и о том, как Кир увещевал свое войско, а Артаксеркс опять же – свое. А лакедемонянин Клеарх, который командовал эллинами, и фессалиец Менон, бывшие при Кире, всегда были друг другу враждебны, потому что с Клеархом Кир во всем советовался, а слово Менона ничего не значило. От Артаксеркса к Киру пришло много перебежчиков, а от Кира к Артаксерксу – ни одного».

В подобном «телеграфном» стиле сообщив о походе царевича, эпитоматор затем приводит куда больше подробностей, связанных с поведением Парисатиды (которая, как известно, любила Кира сильнее, чем его старшего брата). Царица получает голову и руку погибшего Кира; затем она, по обыкновению, начинает мстить тем людям, которые были непосредственно причастны к его насильственной кончине; так, Багапата, который изувечил труп, она выигрывает в кости у Артаксеркса и приказывает распять его, предварительно содрав с него кожу. «Тогда у нее прекратилась сильная скорбь по Кире, потому что ее очень просил об этом Артаксеркс». С другими убийцами Кира (а убивали его долго и постепенно, см. Plut. Artax. 11–13) расправился, по сути, сам царь, поскольку они хвастались своими деяниями, а он хотел присвоить эту честь себе. В частности, он «по просьбе Парисатиды передал ей Митридата, похвалявшегося за столом, что он убил Кира, а она, получив его, жестоко умертвила» (детали опять же у Плутарха, Plut. Artax. 14–17).

Следующий фрагмент «Персидских дел», происходящий из Фотия, – F27, относящийся к 21-й и 22-й книгам. В его начале еще продолжается рассказ о походе Кира, точнее, о судьбе его греческих наемников. Речь идет о том, как Тиссаферн обманом захватил их стратегов, в том числе Клеарха, и отправил их в Вавилон. О Клеархе тут говорится больше всего, и по понятной причине: автор сам тесно общался с ним в узилище: «Как сам Ктесий, будучи врачом Парисатиды, когда Клеарх находился в тюрьме, много через нее сделал, чтобы уход за Клеархом был ему приятен. Парисатида освободила бы его из узилища ипустила бы, если бы Статира не склонила Артаксеркса убить этого мужа». В связи с казнью Клеарха историк вводит элемент чудесного (могильный холм, насыпанный ветром над его телом).

Наконец, перед нами проходит колоритнейший эпизод – отравление Парисатидой Статиры. Тут уж даже Фотий, обычно не склонный к сантиментам, не удерживается от того, чтобы изложить подробности: «Одна сторона ножа намазывается ядом (при том, что на другой стороне ножа его не было), этим ножом режется маленькая птичка, размером с яйцо (эту птичку персы называют

риндаком). А режется она надвое, и половину, чистую от яда, берет и съедает Парисатида, а ту, которая соприкасалась с ядом, протягивает Статире; та, поскольку видела, как дающая ей эту половину сама ест другую, не могла ни о чем догадаться, и вкушает пищу, содержащую смертельный яд. Гнев царя на мать, последовавший из-за этого...» и т. д.

Небольшой фрагмент F30 посвящен делам внешнеполитическим. В нем появляются царь Саламина Кипрского Евагор и нашедший у него убежище после катастрофы при Эгоспотамах афинский полководец Конон, желавший поступить на персидскую службу и в конце концов прикомандированный к Фарнабазу, следствием чего стала в дальнейшем битва при Книде 394 г. до н. э., лишившая Спарту гегемонии на море (но об этом, понятно, в «Персидских делах» говорить уже не могло). Письмо Конона к Артаксерксу было передано именно через Ктесия; впрочем, уже в античности считалось, что лейб-медик приукрасил свою роль в данной ситуации (Plut. Artax. 21). Дело кончилось тем, что Ктесий, посланный царем с ответным письмом к Конону (а также с письмом к спартанцам, с которыми у Персии как раз тогда начиналась война), в конечном счете оказался на родине, в Книде.

Совсем уже краток завершающий фрагмент F33 (из 23-й книги), который можно привести целиком: «Число переходов, дней пути, парасангов от Эфеса до Бактр и Индики. Перечень царей от Нина и Семирамиды до Артаксеркса. На этом и конец». Впрочем, как отмечалось выше, все это может представлять собой интерполяцию, составленную в качестве итогового резюме каким-нибудь издателем «Персидских дел», и в таком случае Ктесий оканчивал труд своим возвращением домой.

Итак, ценность сохранных Фотием фрагментов интересующего нас автора заключается прежде всего в том, что они в своей совокупности являют целостное, последовательное изложение содержания его главного сочинения. Сочинение же это, – подчеркнем, именно в той его части, которая была рассмотрена в данной статье (с 18-й книги) – может служить источником по делам ахеменидского двора в период пребывания при нем Ктесия.

Литература

Балахванцев 2020 – Балахванцев А.С. Споры об эллинизме // Восток. 2020. № 4. С. 21–31.

Габелко 2018 – Габелко О.Л. Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // PENTHKONTAETIA: Исследования по

- античной истории и культуре: Сб., посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Синицына. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 180–190.
- Габелко, Рунг 2020 – *Габелко О.Л., Рунг Э.В.* Византий и Калхедон во время скифского похода Дария I // *Аристей*. 2020. Т. 21. С. 139–155.
- Ладынин 2018 – *Ладынин И.А.* Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // *Диалог со временем*. 2018. № 65. С. 185–206.
- Суриков 2011 – *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. 504 с.
- Суриков 2021 – *Суриков И.Е.* К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // *Вестник древней истории*. 2021. Т. 81. № 4. С. 837–862.
- Суриков 2022 – *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 2. С. 44–60.
- Суриков 2023 – *Суриков И.Е.* Вновь к «спорам об эллинизме» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2023. № 1 (79). С. 92–107.
- Almagor 2020 – *Almagor E.* The royal road from Herodotus to Xenophon (via Ctesias) // *Aršāma and his world. The Bodleian letters in context* / ed. by C.J. Tuplin, J. Ma. Vol. 3: *Aršāma's world*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 147–185.
- Balcer 1987 – *Balcer J.M.* Herodotus and Bisitun. Problems in Ancient Persian historiography. Stuttgart: Steiner, 1987. 166 p.
- Bigwood 1978 – *Bigwood J.M.* Ctesias as historian of the Persian wars // *Phoenix*. 1978. Vol. 32. No. 1. P. 19–41.
- Fehling 1971 – *Fehling D.* Die Quellenangaben bei Herodot: Studien zur Erzählkunst Herodots. Berlin: De Gruyter, 1971. 198 S.
- Fehling 1989 – *Fehling D.* Herodotus and his “Sources”. Citation, invention and narrative art. Leeds: Francis Cairns, 1989. 277 p.
- Meyer 2018 – *Meyer E.* The Athenian expedition to Egypt and the value of Ctesias // *Phoenix*. 2018. Vol. 72. No. 1–2. P. 43–61.
- Pearson 1975 – *Pearson L.* Early Ionian historians. Westport: Greenwood Press, 1975. VIII, 240 p.
- Pritchett 1993 – *Pritchett W.K.* The Liar School of Herodotos. Amsterdam: J.C. Gieben, 1993. 359 p.
- Stronk 2010 – *Stronk J.P.* Ctesias' Persian history. Part 1: Introduction, text and translation. Düsseldorf: Wellem Verlag, 2010. 422 p.

References

- Almagor, E. (2020), “The royal road from Herodotus to Xenophon (via Ctesias)”, in Tuplin, C.J. and Ma, J., eds., *Aršāma and his world. The Bodleian letters in context, vol. 3: Aršāma's world*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 147–185.

- Balakhvantsev, A.S. (2020), "Disputes about Hellenism", *Oriens*, no. 4, pp. 21–31.
- Balcer, J.M. (1987), *Herodotus and Bisitun. Problems in Ancient Persian historiography*, Steiner, Stuttgart, Germany.
- Bigwood, J.M. (1978), "Ctesias as historian of the Persian wars", *Phoenix*, vol. 32, no. 1, pp. 19–41.
- Fehling, D. (1971), *Die Quellenangaben bei Herodot: Studien zur Erzählkunst Herodots*, De Gruyter, Berlin, Germany.
- Fehling, D. (1989), *Herodotus and his "Sources". Citation, invention and narrative art*, Francis Cairns, Leeds, UK.
- Gabelko, O.L. (2018), "Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism", in Gabelko, O.L., Makhlayuk, A.V. and Sinitsyn, A.A., eds., *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture: Sbornik, posvyas-hchennyyi yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles on Igor Evgen'evich Surikov's anniversary], Izdatel'stvo RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 180–190.
- Gabelko, O.L. and Rung, E.V. (2020), "Byzantion and Calchedon during the Scythian campaign of Darius I", *Aristei*, vol. 21, pp. 139–155.
- Ladynin, I.A. (2018), "The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research. A regular stage or an idiographic contingency?", *Dialogue with Time*, no. 65, pp. 185–206.
- Meyer, E. (2018), "The Athenian expedition to Egypt and the value of Ctesias", *Phoenix*, vol. 72, no. 1–2, pp. 43–61.
- Pearson, L. (1975), *Early Ionian historians*, Greenwood Press, Westport, USA.
- Pritchett, W.K. (1993), *The Liar School of Herodotos*, J.C. Gieben, Amsterdam, Netherlands.
- Stronk, J.P. (2010), *Ctesias' Persian history. Part 1: Introduction, text and translation*, Wellem Verlag, Düsseldorf, Germany.
- Surikov, I.E. (2011), *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoi Gretsii* [Studies on historical writing in Classical Greece], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2021), "On the chronology of the life and work of the historian Hellanicus", *Journal of Ancient History*, vol. 81, no. 4, pp. 837–862.
- Surikov, I.E. (2022), "On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 44–60.
- Surikov, I.E. (2023), "Once again on 'disputes about Hellenism' ", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, vol. 79, no. 1, pp. 92–107.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru